

ми вздорными пустяками ты кичишься. Ибо, спрашиваю тебя, что может быть ребячливее или даже безумнее, как в полной беспечности обо всем другом и в совершенной косности тратить время на изучение слов и, никогда не видя подслеповатыми глазами собственной мерзости, так услаживаться своей речью, подобно иным певчим пташкам, которые, говорят, до того упиваются сладостью собственного пенья, что умирают от этого? И, что должно еще более заставить тебя краснеть, не раз случалось с тобою, что ты оказывался бессильным изобразить словами те из вещей обычных и повседневных, которые казались тебе недостойными твоего красноречия. А сколь многое в природе не может быть названо за отсутствием собственного имени? Сколь много сверх того вещей, которые хотя и имеют каждая свое особенное название, но выразить их ценность словами – это чувствуется раньше всякого опыта – красноречие смертных бессильно? Сколько раз я слышал твои жалобы, сколько раз видел тебя безмолвным и негодующим потому, что и язык и перо оказывались неспособными вполне выразить то, что для мыслящего ума было совершенно ясно и легко понятно? Итак, чего же стоит красноречие, раз оно так скудно и хрупко, раз оно и всего не объемлет, и объятая не в силах охватить целиком? Греки обыкновенно упрекают вас в скудости слов, вы, в свою очередь, греков. Правда, Сенека считает их язык более богатым, но Марк Туллий во введении к своему сочинению о пределах блага и зла говорит: "Не могу надивиться, откуда взялось это необычайное презрение ко всему отечественному. Обсуждать это здесь неуместно, но так я думаю и так часто высказывал: латинский язык не только не скуден, как обычно думают, но даже богаче греческого". То же самое он говорит во многих других местах, а в "Тускуланских беседах" восклицает в ходе рассуждения: "О Греция, вечно считающая себя богатой словами, как ты бедна ими!" И он сказал это с полным убеждением, как человек, сознававший себя первенствующим в латинском красноречии и дерзавший уже тогда оспаривать у Греции славу в этом деле. Вспомним также, что писал в своих «Декламациях» помянутый Сенека, страстный почитатель греческого языка. "Все, – говорит он, – римское красноречие может противопоставить заносчивой Греции или чем оно превосходит ее, – все расцвело вокруг Цицерона". Это высокая похвала, но, без всякого сомнения, вполне справедливая. Таким образом, как видишь, относительно первенства в красноречии идет большой спор не только между вами и греками, но даже между первейшими из наших ученых, и в этом лагере есть люди, которые стоят за них, как в том лагере иные, может быть, держат нашу сторону, что сообщают, например, о знаменитом философе Плутархе. Наконец, наш Сенека хотя и преклоняется, как я сказал, пред Цицероном, очарованный величием его сладостной речи, но в остальном отдает пальму первенства Греции. Цицерон держится противоположного мнения. Если же ты хочешь знать мое суждение об этих вещах, то я признаю правыми обе стороны и тех, кто считает Грецию бедной словами, и тех, кто такую считает Италию. Если так по праву говорят о двух столь знаменитых странах, – на что же могут рассчитывать другие? Подумай, кроме того, как мало ты можешь в этом деле полагаться на свои силы, раз ты знаешь, что вся страна, которой ты лишь ничтожная часть, скудна речью; и тогда тебе станет стыдно, что ты потратил столько времени на дело, в котором полного успеха и невозможно достигнуть, да если бы и было возможно, этот успех был бы совершенно бесплоден. Но перехожу к другим вещам. Ты горд добрыми качествами этого твоего тела? "И не видишь опасностей, окружающих тебя". Но что тебе нравится в твоём теле? Мощьность его или цветущее здоровье? Но усталость, возникающая от ничтожных причин, и приступы разнообразных болезней, и укусы крохотного червячка, и самый легкий сквозной ветер, и многое в этом роде доказывают, что ничего нет более хрупкого. Или, может быть, тебя обольщает блеск твоей красоты и, видя цвет своего лица или черты его, ты находишь основание удивляться, восхищаться и радоваться? И не утратила тебя история Нарцисса, и вид мерзости телесной не научил тебя, как жалок ты внутри, и, довольный благообразием внешней оболочки, ты не простираешь дальше свой умственный взор? Но и, помимо других доводов, которые неисчислимы, уже тревожный бег твоей жизни, ежедневно что-нибудь уносящий, должен был бы яснее дня показать тебе, что и красота – тленный и скоропреходящий цвет. А если бы ты почему-нибудь – чего ты не посмеешь сказать – и считал себя обеспеченным против старости, болезней и всего вообще, что искажает красоту тела, – по крайней мере ты должен был не забывать того последнего, которое разрушает все дотла, и глубоко запечатлеть в своей душе слова сатирика:

Смерть единая учит,

Как ничтожны людские тела.

Вот, если не ошибаюсь, те вещи, которые, питая твою гордыню, мешают тебе сознавать униженность твоего положения и помнить о смерти. Есть и другие причины, к которым теперь я